

Лингвокогнитивный туннель менасивности как прагматический инструмент

Новоселова О.В.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Российский государственный университет
имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)», Тверь

Исследование посвящено описанию содержательного объема феномена вербальной угрозы и его семантической специфики, заложенной в ментальном пространстве носителя языка.

Цель статьи – разработать методологический аппарат для изучения лингвокогнитивного механизма реализации вербальной угрозы в английском языке.

Материал и методы. Фактическим материалом исследования послужили лексикографические дефиниции английского языка, которые отражают содержательно-функциональную сущность лексико-тематического пространства угрозы, а также дискурсивные практики со значением угрозы, реализованные в условиях англоязычной социальной интеракции. Методологическим основанием изучения лингвокогнитивной специфики менасивных высказываний явились конвергентные исследовательские приемы и деятельностно-регулятивный подход к анализу языкового материала, в основе которого лежит модель диалогического общения, теория регулятивной деятельности и ее единиц – регулятивных конструкторов, разработанная в Тверской научной школе «Динамическая модель регулятивной коммуникации».

Результаты и их обсуждение. Языковая личность, опираясь на собственные представления о содержательных характеристиках вербальной угрозы и различные типы знаний, может определить в комплексном вербальном образовании со значением угрозы наличие логической связи между возможным санкционным воздействием и необходимостью выполнить каузируемые действия, чтобы избежать негативных последствий.

Заключение. Предложенный автором ракурс исследования развивает методологическую базу менасологии как отдельного направления лингвистической прагматики и открывает широкие возможности для описания лингвокогнитивной специфики высказываний-угроз.

Ключевые слова: вербальная угроза, феномен менасивности, лингвокогнитивный туннель, туннель менасивности, семантический анализ, прагматика, вербальное воздействие.

(Ученые записки. – 2023. – Том 38. – С. 100–105)

Linguistic and Cognitive Tunnel of Menasivity as a Pragmatic Tool

Novoselova O.V.

Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
“A.N. Kosygin Russian State University (Technologies, Design, Art)”, Tver

The study is concerned with the description of the content of the phenomenon of verbal threat and its semantic specificity in the mental space of a native speaker.

The purpose of the article is to develop a methodology for studying the linguistic and cognitive mechanism of verbal threat implementation in English.

Material and methods. The actual material of the study was lexicographic definitions of the English language, which reflect the content-functional essence of the lexical and thematic space of the threat, as well as discursive practices with the meaning of the threat, implemented in the conditions of English-language social interaction. The methodological basis for studying the linguistic and cognitive specificity of menasive utterances were convergent research techniques and an activity-regulatory approach to the analysis of linguistic material, which is based on the model of dialogic communication, the theory of regulatory activity and its units – regulatory constructs, developed at Tver Scientific School “Dynamic model of regulatory communication”.

Findings and their discussion. A linguistic personality based on their own ideas about the content characteristics of a verbal threat and various types of knowledge can identify in a complex verbal practice with the meaning of threat the presence of a logical connection between a possible sanctioning influence and the need to perform causable actions in order to avoid negative consequences.

Conclusion. The perspective of the research proposed by the author develops the methodological basis of menasology as a separate direction of linguistic pragmatics and opens up wide opportunities for describing the linguistic and cognitive specificity of threat statements.

Key words: verbal threat, menasivity phenomenon, linguistic and cognitive tunnel, menasivity tunnel, semantic analysis, pragmatics, verbal impact.

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 38. – P. 100–105)

В современных условиях быстро меняющейся среды социального взаимодействия наблюдается повышенный интерес лингвистов к феномену вербальной угрозы. Коммуникативно-интенциональный тип высказываний-угроз (также менасивов, менасивных высказываний или практик-угроз) регулярно становится объектом исследований и рассматривается в качестве функционально-прагматической единицы общения с различных теоретических позиций общего и частного языкознания [1–7].

Вместе с тем, несмотря на значительное количество работ, посвященных анализу содержательных характеристик высказываний-угроз, ученым не удалось систематизировать представления носителей английского языка о феномене вербальной угрозы, очертить содержательный (семантический) объем этого феномена и прийти к единому мнению относительно лингвистических (от греч. *limes* – граница) параметров типовой коммуникативной ситуации угрозы. С указанных позиций примечательно и то обстоятельство, что на фоне «дискурсивного поворота» в лингвистике до настоящего времени не поднималась проблема описания лингвокогнитивного механизма, лежащего в основе функционирования (использования) высказываний со значением угрозы в условиях социального взаимодействия. В частности, не поднимался вопрос о том, каким образом языковая личность как когнитивный агент интерпретирует и оценивает практики-менасивы, направленные на решение конкретных задач собеседников в ходе диалогической интеракции.

Также остается неизученным вопрос отображения феномена вербальной угрозы в ментальном пространстве носителя английского языка и описания структурной организации представлений языковой личности об этом феномене. Больше того, вне поля зрения ученых оказывается осмысление лингвокогнитивной специфики феномена вербальной угрозы, заложенной в ментальном пространстве говорящей личности.

В этой связи представляется перспективной цель исследования – разработать авторский методологический аппарат для изучения лингвокогнитивного механизма воздействующего потенциала вербальной угрозы в английском языке.

Материал и методы. Методологическим основанием изучения лингвокогнитивной специфики менасивных высказываний явились конвергентные исследовательские приемы и деятельностно-регулятивный подход к анализу языкового материала, в основе которого лежит (лингвопрагматическая) модель диалогического общения, теория регулятивной деятельности и ее единиц – регулятивных конструкторов (регулятивов), предложенная основателем Тверской научной школы «Динамическая модель регулятивной коммуникации», профессором А.А. Романовым [8; 9]. Обозначенный ракурс исследования позволит осуществить интегративный синтез когнитивного и коммуникативного

(когнитивно-дискурсивного) подходов, вскрыть механизм проявления феномена вербальной угрозы в условиях социального взаимодействия или феномена менасивности, на основе которого происходит оперирование угрозой его участниками, а также предложить когнитивный (смысловой) инструмент для толкования таких высказываний, как угроз и оценки их интенсивности воздействия на адресата. Избранный в работе когнитивно-дискурсивный подход коррелирует с принципом антропоцентризма, согласно которому в фокусе лингвистического анализа находится языковая личность как субъект речевой деятельности и как когнитивный агент языкового сознания в типовых сценариях его жизнедеятельности.

Фактическим материалом исследования послужили лексикографические дефиниции английского языка, которые отражают содержательно-функциональную сущность лексико-тематического пространства угрозы, а также дискурсивные практики со значением угрозы, реализованные в условиях англоязычной социальной интеракции.

Результаты и их обсуждение. Проведенный семантический анализ показывает, что фреймообразующим (вершинообразующим) глаголом лексико-тематического пространства угрозы в английском языке является лексема-маркер *threaten*. Зафиксированные в словарях дефиниции глагола *threaten* явились основанием для определения в структуре его значения интегративного компонента «наступление негативных последствий», который включает в свой содержательный объем 4 базовых семы: «совершение чего-либо неприятного», «совершение чего-либо плохого», «причинение боли, вреда или беспокойства» и «осуществление наказания», а также 2 периферийные семы: «источник возможной опасности» и «разрушение чего-либо».

Кроме того, анализ демонстрирует, что глагол *threaten* характеризуется такими семантическими признаками, как реляционность, акциональность, целенаправленность, побудительность (каузативность), локутивность и менасивность. Обозначенные семантические признаки в своей совокупности участвуют в формировании побудительного значения глагола *threaten*. При этом признак менасивности, раскрывающий способ воздействия на объект при вербальной каузации, выступает дифференциальным признаком, который отличает глагол *threaten* от других английских глаголов речевой деятельности, обладающих побудительным значением.

В ходе исследования удалось расширить трактовку содержательного объема глагола *threaten* свойствами, конкретизирующими признак менасивности (свойствами-конкретизаторами), а именно: свойством-1 «затронутость эмоциональных переживаний субъекта и объекта каузации», свойством-2 «несимметричность отношений между носителем и объектом каузации», свойством-3 «причинно-следственная связь между возможным санкционным воздействием на объект

и причиной его совершения» / «условно-следственная связь между возможными негативными последствиями для объекта и условием их наступления», свойством-4 «обоюдная незаинтересованность носителя и объекта каузации в наступлении негативных последствий для объекта каузации», свойством-5 «обоюдная возможность выбора пути дальнейшего взаимодействия» и свойством-6 «отсутствие враждебной настроенности участников акта каузации».

Выявленная иерархическая совокупность базовых и периферийных сем, а также семантических признаков и свойств формирует интегративно-амальгамированный содержательный объем глагола *threaten*. Складывается отчетливая картина того, что содержательная сущность глагола *threaten* заключается в побудительном значении, которое обусловлено возможностью наступления негативных последствий для адресата угрозы в случае его отказа от выполнения каузируемого действия. Важно также констатировать, что объект каузации находится в ситуации выбора между возможностью применения к нему санкционных действий и необходимостью совершить каузируемые действия, которые он не желает выполнять.

Таким образом, изучение семантической специфики глагола *threaten* позволило выяснить, что в его содержательном объеме сочетаются элементы *контрарного плана*, которые задают диапазон функционально-семантического (прагматического) пространства угрозы в английском языке: интегративный компонент «наступление негативных последствий», охватывающий различные способы санкционного воздействия на объект каузации, а также свойства менасивности, которые содержат указание на возможность объекта избежать негативных последствий при условии выполнения каузируемых действий. Зафиксированная совокупность константных признаков и свойств отражает комплексное представление носителей английского языка о семантической структуре феномена вербальной угрозы. При этом не вызывает сомнений, что семантические признаки и свойства вербальной угрозы, отражая знания носителей языка об этом феномене, определенным образом структурируются в их ментальном пространстве и им «приписывается когнитивная структура» [10, с. 16], а языковая личность обращается к таким ментальным (когнитивным) структурам при каждой встрече с вербальной угрозой в виде дискурсивной менасивной практики (акта менасивной каузации) в контексте социального взаимодействия.

Сказанное определяет целесообразность установить, как варианты компонента «наступление негативных последствий» соотносятся друг с другом в ментальном пространстве носителя английского языка, как они структурируются и оцениваются с позиций их интенсивности воздействия. В целях проводимого описания варианты интегративного компонента (семы) вербальной угрозы были распределены по принципу увеличения интенсивности проявления

негативных последствий для адресата и конкретизации способов санкционного воздействия на него: (а) «источник возможной опасности» → (б) «совершение чего-либо неприятного» → (в) «совершение чего-либо плохого» → (г) «причинение боли, вреда или беспокойства» → (д) «осуществление наказания» → (е) «разрушение чего-либо». Характерно, что перечисление сем начинается с семы (а), которая не содержит указания на конкретный способ наступления негативных последствий для объекта, в то время как каждая последующая сема «включает» в свой содержательный объем предыдущую сему, конкретизируя способ совершения санкционного воздействия. Другими словами, каждая последующая сема является семантически «объемнее» предыдущей, приобретая аккумулятивный характер.

Предлагаемое иерархическое распределение сем позволяет говорить о явлении «включенности» или **инклюзивном механизме (природе)** интегративного компонента «наступление негативных последствий», при котором каждая последующая сема включает в свой содержательный объем предыдущую, а вся совокупность взаимодополняющих сем в полном объеме отражает все варианты интегративного компонента. В частности, инклюзивный механизм интегративного компонента проявляется в том, что на этапе встречи с вербальной угрозой языковая личность как когнитивный агент обращается к собственным – во многом субъективным – представлениям о возможных негативных проявлениях угрозы (семам), которые в определенном порядке структурируются в ее ментальном пространстве. Обладая знанием о наборе возможных негативных проявлениях угрозы, языковая личность может оценить санкционное воздействие конкретного менасива, содержащего тот или иной вариант интегративного компонента.

Распределение сем было представлено в виде реляционной структуры, в терминологии И.П. Сусова, негативных проявлений вербальной угрозы в последовательности: а→б→в→г→д→е, где буквами обозначены варианты интегративного компонента, а стрелки указывают на их инклюзивный характер. Предлагаемая структура фиксирует совокупность сем как реляционных позиций и особенностей их инклюзивного соотношения в содержательном объеме вербальной угрозы.

В выбранном ракурсе рассуждений важно обратить внимание на инвариантный характер признака менасивности вербальной угрозы, который сформирован 6 свойствами. Следуя предлагаемому вектору иерархического распределения элементов содержательного объема вербальной угрозы, свойства менасивности вербальной угрозы могут быть расположены в следующем порядке: свойство (1) «затронутость эмоциональных переживаний субъекта и объекта каузации» → свойство (2) «несимметричность отношений между носителем и объектом каузации» → свойство (3) «причинно-следственная связь между возможным

санкционным воздействием на объект и причиной его совершения» / «условно-следственная связь между возможными негативными последствиями для объекта и условием их наступления» → свойство (4) «обоюдная незаинтересованность носителя и объекта каузации в наступлении негативных последствий для объекта каузации» → свойство (5) «обоюдная возможность выбора пути дальнейшего взаимодействия» → свойство (6) «отсутствие враждебной настроенности участников акта каузации».

Обозначенное распределение свойств позволяет говорить о **механизме менасивной инклюзии** применительно к перечисленным свойствам, при котором каждое последующее свойство включает в содержательный объем предыдущее, а вся совокупность свойств в полном объеме отражает специфику побудительного значения вербальной угрозы. Предлагаемое распределение можно рассматривать как реляционную структуру свойств-конкретизаторов вербальной угрозы. Такая реляционная структура отражает позицию каждого свойства в этой структуре и фиксирует соотношение свойств в типовой коммуникативной ситуации угрозы. Эта структура может быть представлена в виде: $1 \rightarrow 2 \rightarrow 3 \rightarrow 4 \rightarrow 5 \rightarrow 6$, где цифры обозначают порядковые номера свойств менасивности, а стрелки указывают на их инклюзивный характер.

В рамках настоящего исследования удалось установить, что контрарные элементы вербальной угрозы обладают инклюзивной природой и образуют две реляционные структуры – реляционную структуру негативных проявлений и реляционную структуру свойств-конкретизаторов вербальной угрозы. При этом очевиден тот факт, что в ментальном пространстве носителя языка как когнитивного агента есть определенные зависимости между указанными реляционными структурами, так как языковая личность обладает способностью сопоставить негативные последствия вербальной угрозы с необходимостью выполнить каузируемые действия и возможностью избежать наступления санкционного воздействия [8, с. 101].

Не вызывает сомнений, что представление адресата о конкретной вербальной угрозе начинает формироваться с того, что он встречается с языковой репрезентацией определенного варианта интегративного компонента в виде менасивного высказывания. В силу инклюзивного механизма негативных последствий вербальной угрозы языковая личность может определить, какая позиция реляционной структуры была актуализирована в конкретной ситуации коммуникативного взаимодействия, и какое значение имеет актуализация этой позиции в координатах *здесь-и-сейчас*. Иными словами, языковая личность осуществляет оперирование инклюзивным механизмом негативных последствий вербальной угрозы, позволяющем ей оценить последствия конкретного менасива, сравнив эти последствия с собственными представлениями о возможном санкционном проявлении вербальной угрозы.

Например, «*If you don't clean your room, you can't have any dessert*»; «*If you don't lower your price on this component, we will go to another supplier*»; «*If you don't pay my invoice immediately, I will take you to court*».

С указанных позиций, очевидно, что адресат оценивает содержание негативных последствий менасивных высказываний не только на фоне своих представлений о более или менее интенсивных последствиях вербальной угрозы, но с позиций собственных знаний о возможности избежать санкционного воздействия при условии выполнения каузируемых действий. Поэтому в процессе оперирования негативными последствиями конкретного менасива языковая личность обращается к своим структурированным знаниям о свойствах-конкретизаторах вербальной угрозы. Так, в процессе оценки конкретного варианта интегративного компонента адресат последовательно «пропускает» этот компонент сквозь призму из шести свойств менасивности по когнитивному маршруту (в направлении) от свойства-1 к свойству-6.

С позиций предлагаемого подхода можно полагать, что свойства менасивности образуют **туннель менасивности** или **менасивный туннель** [6; 11; 12], который определяет лимнологическое пространство побудительного значения вербальной угрозы и задает границы для функционирования (использования) и интерпретации (понимания) негативных проявлений вербальной угрозы. Становится понятным, что участники прототипической ситуации вербальной угрозы осуществляют оперирование вариантами компонента «наступление негативных последствий» в границах содержательного пространства, задаваемого менасивным туннелем [11 с. 14]. Кроме того, можно утверждать, что предлагаемый механизм формирует психосемантическое пространство прототипической ситуации вербальной угрозы, объединяющее в целостное представление – со всеми содержательными связями – ее контрарные элементы.

Таким образом, интегративно-амальгамированная совокупность упорядоченных контрарных элементов вербальной угрозы формирует функционально-когнитивную структуру, фрейм или функционально-семантическое представление (Ф-структуру) типовой коммуникативной ситуации угрозы, а также задает лимнологические параметры для отдельных (во многом субъективных) представлений носителя языка о репрезентации угрозы в дискурсивном пространстве социальной интеракции. Принимая во внимание буквенные обозначения сем и порядковый номер каждого свойства менасивности, а также инклюзивную направленность и инвариантный характер контрарных элементов вербальной угрозы, фреймовую конфигурацию типовой коммуникативной ситуации угрозы можно представить в виде схемы:

Условные обозначения: те же; при помощи стрелок $\rightarrow$ и $\leftarrow$ отображен инвариантный характер контрарных элементов вербальной угрозы и их инклюзивная направленность.

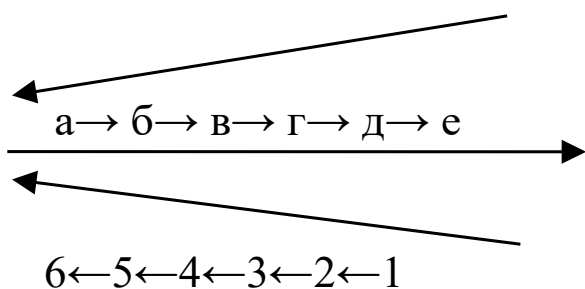

Схема. Фреймовая конфигурация
типовой коммуникативной ситуации угрозы

Предлагаемый фрейм демонстрирует туннельный характер вербальной угрозы и соотношение ее двух содержательных элементов контрарного плана – интегративного компонента «наступление негативных последствий» (см. буквы на схеме) и признака менасивности (см. цифры на схеме). Интегративный компонент, обладающий инклюзивной природой, представляет собой ось со стрелкой слева направо, которая проходит сквозь туннель из свойств менасивности – от свойства-1 до свойства-6. Примечательно, что варианты этого компонента расположены в порядке увеличения проявления их негативных последствий для адресата и конкретизации способов санкционного воздействия (слева направо). В свою очередь, свойства менасивности, также обладающие инклюзивной природой, расположены на двух осях со стрелками справа налево в порядке увеличения возможности адресата избежать наступления негативных последствий (справа налево).

Представленный фрейм типовой коммуникативной ситуации угрозы фиксирует маршрут «прохождения» вариантов интегративного компонента через туннель из свойств менасивности вербальной угрозы, описывая механизм работы двух реляционных структур контрарного плана. В частности, в процессе «прохождения» по такому маршруту языковая личность понимает возможность наступления негативных последствий и определяет каузативную «силу» (значение) вербальной угрозы, а также осуществляет конкретизацию (интерпретацию, оценку) негативных проявлений конкретного высказывания-угрозы в содержательном пространстве менасивного туннеля. В результате языковая личность вырабатывает решение о своем дальнейшем вербальном или невербальном поведении, связанном с возможностью выполнить каузируемые действия или отказаться от их выполнения.

Читая схему, важно обратить внимание на графическое сближение двух диагональных линий со стрелками справа налево, обозначающее процесс постепенной (волнообразной) конкретизации свойств менасивности. Характерно, что, если в ходе социального взаимодействия участникам прототипической ситуации вербальной угрозы удалось установить,

что конкретный менасив не является проявлением агрессивного поведения говорящего (свойство-6), а содержит указание на возможность объекта избежать негативных последствий при условии выполнения каузируемых действий, то можно говорить о сужении менасивного туннеля в направлении свойства-6 и, следовательно, об эффективном взаимодействии участников фрейма типовой коммуникативной ситуации угрозы. Например, адресат следующего высказывания со значением угрозы может оценить его как указание на возможность избежать негативных последствий при условии выполнения каузируемых действий: «*Siddy, I'll lick you for that*» (Twain, 2020).

Однако, если участникам акта каузации не удалось «пройти» по менасивному туннелю от свойства-1 до свойства-6 и избежать формирования враждебной настроенности по отношению друг к другу в ходе реализации своих коммуникативных намерений, то менасивный туннель расширяется по направлению к свойству-6, свидетельствуя о конфронтации участников социального взаимодействия. Например, «*You threaten me? You try to frighten me after your wife charges that you have been running around weeth my wife? You talk about my past! I like that. Haw! We shall see about dis!*» (Dreiser, 2020).

В русле сказанного важно уточнить, что инклюзивный механизм свойств менасивности предполагает последовательную включенность в процесс интерпретации практик-угроз всех их свойств. Однако в различных ситуациях социального взаимодействия участникам прототипической ситуации вербальной угрозы не всегда удастся последовательно продвигаться по менасивно-каузативному маршруту угрозы или по менасивному туннелю, и, следовательно, возможно прекращение такого маршрута на каком-либо свойстве.

Заключение. В ходе проведенного анализа установлено, что носители языка, опираясь на собственные представления о содержательных характеристиках вербальной угрозы и различные типы знаний, могут определить в комплексном вербальном образовании со значением угрозы наличие логической связи между возможным санкционным воздействием и необходимостью выполнить каузируемые действия. Исследование демонстрирует, что семантические признаки и свойства вербальной угрозы задают **туннель менасивности** или **менасивный туннель**, который определяет лимнологическое пространство побудительного значения англоязычных высказываний-угроз и фиксирует границы для использования и интерпретации (понимания) негативных проявлений таких высказываний, реализованных в условиях социального взаимодействия. Разработанный менасивный туннель позволяет прояснить, как языковая личность осуществляет оперирование контрарными элементами вербальной угрозы, обладающими инклюзивной природой и формирующими в ментальном пространстве носителей языка систему реляционных структур.

Предложенный автором ракурс исследования открывает широкие возможности для описания лингвокогнитивной специфики высказываний-угроз, а также развивает методологическую базу менасологии как отдельного направления лингвистической прагматики. Разработанный туннельный знак может быть применен для описания вербального поведения языковой личности, использующей менасивные высказывания для решения коммуникативных задач. Поэтому дальнейшее изучение проблематики, связанной с рассмотрением и анализом специфики функционирования менасивов в вербальном поведении говорящего субъекта, остается одним из актуальных направлений в области германского языкознания, и когнитивной лингвистики, требующим комплексного описания языковых структур и изучения прагма-эмоционального воздействия, которое высказывания-угрозы оказывают на носителей английского языка.

Литература

1. Богданов, В.В. Речевое общение. Прагматические и семантические аспекты / В.В. Богданов. – Ленинград: ЛГУ, 1990. – 87 с.
2. Мельник, Г.С. Политический менасив как неэтикетное речевое поведение / Г.С. Мельник, Б.Я. Мисонжников // Гуманитарный вектор. – 2018. – Т.13, № 1. – С. 121–129.
3. Новоселова, О.В. Предвыборные менасивы в вербальном поведении американских политических деятелей [Электронный ресурс] / О.В. Новоселова // Мир лингвистики и коммуникации: электрон. науч. журн. – 2021. – № 4. – С. 44–61. – Режим доступа: <http://www.tverlingua.ru>. – Дата доступа: 14.10.2023.
4. Новоселова, О.В. Предвыборные менасивы как регулятивы политической дискуссии [Электронный ресурс] / О.В. Новоселова // Мир лингвистики и коммуникации: электрон. науч. журн. – 2022. – № 3. – С. 73–85. – Режим доступа: www.tverlingua.ru. – Дата доступа: 14.10.2023.
5. Почепцов, Г.Г. Предложение / И.П. Иванова, В.В. Буракова, Г.Г. Почепцов // Теоретическая грамматика современного английского языка. – М.: Высш. шк., 1981. – С. 164–281.
6. Романов, А.А. Менасивные конструкты предвыборной дискуссии: лингвокогнитивный анализ материалов программ президентской кампании 2018 года / А.А. Романов, О.В. Новоселова. – М.: Флинта, 2021. – 440 с.
7. Fraser, B. An Analysis of Vernacular Performative Verbs / B. Fraser // Towards Tomorrow's Linguistic / Ed. by Schuy etc. – Washington: Georgetown University Press, 1974. – P. 139–158.
8. Романов, А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения / А.А. Романов. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1988. – 183 с.
9. Романов, А.А. Лингвопрагматическая модель речевого управления диалогом: системный анализ с примерами из русского и немецкого языков / А.А. Романов. – М.: URSS (ЛЕНАНД), 2020. – 264 с.
10. Падучева, Е.В. Динамические модели в семантике лексик / Е.В. Падучева. – М.: Языки славян. культуры, 2004. – 608 с.
11. Романов, А.А. «Окно дискурса» как регулятивный механизм распространения и внедрения «вирусной» информации: два подхода к проблеме [Электронный ресурс] / А.А. Романов // Мир лингвистики и коммуникации: электрон. научн. журн. – 2016. – № 4. – С. 1–35. – Режим доступа: www.tverlingua.ru. – Дата доступа: 14.10.2023.
12. Романов, А.А. Регулятивные менасивы в политической коммуникации США / А.А. Романов, О.В. Новоселова. – М.: Флинта, 2023. – 240 с.

Поступила в редакцию 13.11.2023